

А.Е. Пресняков

**Образование Великокорусского
государства**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

A11 **А.Е. Пресняков**
Образование Великорусского государства / А.Е. Пресняков – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 510 с.

ISBN 978-5-517-99247-5

ISBN 978-5-517-99247-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Немного въ этой книгѣ «новаго». Она трактуеть тему, достаточно избитую, на основаніи матерьяла, давно изданнаго, общеизвѣстнаго. Ея задача возстановить, по возможности, права источника и факта въ представленіи объ одномъ изъ важнѣйшихъ явленій русской исторіи—образованіи Великорусскаго государства. Ранняя исторія сѣверовосточной Руси стала въ нашей исторіографіи жертвой теоретическаго подхода къ матерьялу, который обратилъ данныя первоисточниковъ въ рядъ иллюстрацій готовой, не изъ нихъ выведенной схемы. Поэтому, съ одной стороны, не мало этихъ данныхъ, не подходившихъ къ принятымъ схемой положеніямъ, осталось внѣ вниманія историковъ, внѣ ихъ обобщеній, а, съ другой, широкія обобщенія схемы не считались съ хронологической послѣдовательностью основныхъ явленій изучаемой эволюціи и разрывали подлинную связь ихъ между собой. Попытка полнѣе использовать фактической матерьялъ при нѣкоторомъ вниманіи къ хронологическому моменту измѣнила всю историческую перспективу эпохи и представленіе о характерныхъ ея чертахъ. На первый планъ выдвинулась сила «великокняжеской» традиціи, иными представились понятія «удѣла», «вотчиннаго княжества», иной и вся эволюція междукняжескихъ отношеній. Иначе пришлось подойти и къ источникамъ. Княжія духовныя и договорныя грамоты раскрываютъ подлинный свой смыслъ только при условіи изученія каждой въ связи съ создавшими ее отношеніями, а взятыя внѣ исторической обстановки, использованныя, притомъ, для отвѣта на вопросы, какихъ онѣ въ виду не имѣли—онѣ ведутъ къ ложнымъ выводамъ, какія имъ навязаны традиціонной исторіографической схемой. Лѣтописные своды, при безразличномъ пользованіи разными ихъ типами и редакціями, безъ учета создавшихъ эти типы и редакціи тен-

денцій и книжническихъ точекъ зрѣнія, не дають всего, что могутъ дать, и что существеннѣе, позволяютъ предпочесть позднюю и нарочитую передѣлку текста подлинному, первоначальному историческому свидѣтельству; такъ часто и бывало, потому что Никоновская лѣтопись и зависимый отъ нея текстъ Татищевской «Исторіи» лучше иллюстрировали принятую схему.

Предлагаемые «очерки» касаются только внѣшней исторіи образования Великорусскаго государства—ея междукняжескихъ отношеній и развитія великокняжеской политики. Внутренняя, организаціонная работа великокняжеской власти осталась внѣ ихъ задачи, какъ особая сложная тема, разработка которой и по существу и по состоянію матерьяла едва ли отдѣлима отъ углубленнаго изученія внутренняго строя Московскаго государства въ XVI вѣкѣ, въ эпоху, на порогѣ которой остановилось изложеніе «очерковъ». Поэтому, они примыкають только къ первой половинѣ книги того же автора: «Княжое право въ древней Руси».

Появленіемъ въ свѣтъ эта книга обязана Археографической Комиссіи, принявшей ее въ составъ своей «Лѣтописи занятій». Съ глубокой признательностью поминаю цѣнное личное содѣйствіе С. О. Платонова и правителя дѣлъ Комиссіи В. Г. Дружинина.

Въ заключеніе прошу читателейъ извинить меня за плохую корректуру и предварительно исправить указанныя важнѣйшія описки и опечатки.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Исторіографическія замѣтки.

Въ 1904 г. М. С. Грушевскій выступилъ, по поводу предпринятаго Императорской Академіей Наукъ изданія «Славянской Энциклопедіи», съ рѣшительнымъ отрицаніемъ обычной схемы русской исторіи и сдѣлалъ попытку поставить по новому вопросъ о рациональномъ построеніи исторіи Восточнаго Славянства ¹⁾. Подъ «обычной схемой русской исторіи» М. С. Грушевскій разумѣетъ порядокъ изложенія, принятый въ «общихъ курсахъ» и учебникахъ русской исторіи отъ донсторическихъ судебъ восточной Европы и ея неславянскаго населенія, черезъ разселеніе славянъ, образованіе Кіевского государства и его исторію до второй половины XII вѣка, къ великому княжеству Владимірскому и къ исторіи Московскаго государства, я, далѣе, къ Россійской Имперіи XVIII и XIX вѣковъ. Въ такомъ изложеніи исторія русскаго юга и запада, земель украинско-русскихъ и бѣлорусскихъ, остается внѣ кругозора, и лишь довольно внѣшне и случайно вовлекаются въ него отдѣльные ея моменты, какъ Галицкое государство Данила, образованіе великаго княжества Литовскаго и его унія съ Польшей, перковная унія, казачкія войны, дѣянія Хмельницкаго.

Съ точки зрѣнія своихъ этнографическихъ воззрѣній, М. С. Грушевскій полагаетъ, что задача «обычной» схемы — построить «обще-русскую» исторію невозможна по существу, такъ какъ нѣтъ никакой «общерусской» народности, а на очереди стоящая научная задача — построеніе, съ одной стороны, исторіи украинскаго народа ²⁾, а, съ другой, исторіи великорусской. Крайне нерациональнымъ представляется ему соединеніе въ одной схемѣ древней исторіи южно-русскихъ племенъ, т. е. Кіевского государства съ исторіей Владиміро-Московской Руси XII—XIV вв. Оно отрываетъ отъ южно-

¹⁾ „Звычайна схема русской исторіи и справа рационального укладу исторіи Східнього Славянства“, въ сборникѣ „Статьи по Славяновѣдѣнію“, изд. Второго отдѣленія Имп. Академіи Наукъ, вып. I, подъ ред. В. П. Ламанскаго. Спб. 1904.

²⁾ Это М. С. Грушевскій блестяще выполнялъ въ своей обширной „Исторіи України-Руси“ и въ „Очеркѣ исторіи Украинскаго народа“.

русской истории ей начало, чтобы пристегнуть его къ сѣверному продолженію. А, между тѣмъ, «кіевскій періодъ перешелъ не во владиміро-московскій, а въ галицко-волынскій XIII в., потомъ литовско-польскій XIV—XVI в.».

Сѣверо-восточная Русь не была, по мнѣнію М. С. Грушевскаго, «ни наслѣдницей, ни преемницей» Руси Кіевской, а «выросла на своемъ корню». Ихъ взаимоотношеніе М. С. Грушевскій готовъ уподобить отношеніямъ между римской имперіей и галльскими провинціями: «кіевское правительство пересадило въ великорусскія земли формы соціально-политическаго строя право, культуру, выработанныя исторической жизнью Кіева» — и только. Отсюда выводъ: «исторія великорусской народности остается, собственно, безъ начала; исторія образованія великорусской народности остается до сихъ поръ не выясненною, потому что за ея исторіей начинаютъ слѣдить съ середины XII вѣка»; не поставленной остается и проблема изученія «рецепція и модификаціи на великорусской почвѣ кіевскихъ соціально-политическихъ формъ, права, культуры».

Многимъ изъ читателей великороссовъ точка зрѣнія М. С. Грушевскаго можетъ показаться парадоксальной, такъ какъ разрушаетъ она привычное представленіе о «единой» исторіи «единого» русскаго народа. Однако она вовсе не такъ исключительна, какъ можетъ на первый взглядъ показаться. Напротивъ, не будетъ преувеличеніемъ назвать ее, во многомъ, характерной и для нашей «великорусской» исторіографіи. Обусловленная у М. С. Грушевскаго потребностью отграниченія украинской исторіи, въ ея пѣломъ, отъ исторіи Великороссіи, она можетъ опереться на рядъ выводовъ и сужденій, принятыхъ и разработанныхъ въ трудахъ «общерусской» исторической литературы.

Поучительны исторіографическія судьбы критикуемой М. С. Грушевскимъ «обычной схемы» русской исторіи. Въ вопросѣ о ея генезисѣ М. С. Грушевскій примыкаетъ къ выводамъ П. Н. Милюкова: «схема эта стара, говоритъ онъ, она получила свое начало въ исторіографической схемѣ московскихъ книжниковъ, и въ основѣ ея лежитъ генеалогическая идея—генеалогія московской династіи».

П. Н. Милюкову принадлежитъ весьма цѣнное указаніе на эту «исторіографическую схему московскихъ книжниковъ» и ея опредѣляющее вліяніе на изложеніе русской исторіи у нашихъ историковъ XVIII и XIX столѣтій¹⁾ Вліяніе это усилено однимъ условіемъ, поистинѣ парадоксальнымъ, которое П. Н. Милюковъ мѣтко охарактеризовалъ въ такихъ строкахъ: «когда въ прошломъ столѣтіи русская исторіографія начала постепенно осилать свои источники,—источники эти встрѣтили изслѣдователя со своимъ, готовымъ взглядомъ, сложившимся вѣками; не мудрено, что эта готовая нить, предлагавшаяся самими источниками, вела изслѣдователя по протореннымъ путямъ

¹⁾ „Главныя теченія русской исторической мысли“, М. 1897 (3-е изд. 1913 г.).

и складывала для него историческіе факты въ тѣ же ряды, въ какіе эти факты уложились въ свое время въ умахъ современниковъ; такимъ образомъ, изслѣдователь воображалъ дѣлать открытія, осмысливать историю,— а, въ сущности, онъ шелъ на плечахъ нашихъ философовъ XV и XVI столѣтій»¹⁾. Два обстоятельства ослабили плодотворность этого наблюденія, П. Н. Мплюковъ связалъ свое изученіе московской исторической теоріи только съ вопросомъ о «происхожденіи исторической схемы Карамзина и его предшественниковъ» и отмѣтилъ далеко не всѣ ея элементы, оказавшіе глубокое воздѣйствіе на представленія ученыхъ историковъ XIX вѣка о древне-русскомъ прошломъ. Трудъ П. Н. Мплюкова остался, къ сожалѣнію, не законченнымъ, иначе мы получили бы отъ него, безъ сомнѣнія, болѣе полную оцѣнку воздѣйствія московской книжнической историографіи на труды не только историковъ XVIII в. и Карамзина, но и на построенія С. М. Соловьева съ его продолжателями.

Изъ элементовъ этого воздѣйствія, указанныхъ П. Н. Мплюковымъ, наиболѣе существеннымъ и устойчивымъ оказалось установленіе «идеи тождества и наследственной связи московской и кievской государственной власти», какъ «исторической аксіомы». «Аксіома» эта была использована московской властью во времена Ивана III и Василія Ивановича для обоснованія притязаній Москвы на все наследіе князей Рюрикава рода: въ спорахъ съ литовскими великими князьями московская дипломатія ссылается отъ имени своихъ государей на то, что «вся русская земля, Божьею волею, изъ старшны отъ нашихъ прародителей наша вотчина»—и Кіевъ, и Смоленскъ, и Полоцкъ, и Витебскъ, и «иные города». Выступая съ такими притязаніями, «московскіе дипломаты поставили русской политикѣ цѣли, которыя удалось осуществить только черезъ два съ половиною столѣтія». Вотъ въ этихъ то «политическихъ идеалахъ московскихъ дипломатовъ XV вѣка», въ ихъ стремленія такъ широко опредѣлить «задачи будущаго», что подобная программа представляется—для ихъ времени—выходящей далеко за предѣлы достижимаго,—П. Н. Мплюковъ видитъ самый источникъ воззрѣнія на «наследственную связь» московской и кievской государственной власти. Не буду сейчасъ останавливаться на выясненіи, насколько корни этой «исторической аксіомы» московскихъ княжниковъ XV—XVI вв. глубже и старше, а самое ея «генеалогическое» освѣщеніе въ духѣ московскихъ вотчинно-династическихъ притязаній и ея примѣненіе въ дипломатической перепискѣ—лишь дальнѣйшее развитіе весьма старой традиціи.

Пока отмѣчу лишь тѣ историографическія построенія, которыя были вызваны въ нашей научной литературѣ потребностью наполнить «схему» реальнымъ историческимъ содержаніемъ, а посвящены были истолкованію періода,

¹⁾ Указ. соч., стр. 158 (3-е пад., стр. 177).

«промежуточнаго» между временами Киевской державы Владимира Мономаха и Мономашича Мстислава—и Московскимъ государствомъ Ивана III.

Исторіографія XVІІІ в., завершенная трудомъ Карамзина, удовлетворилась, въ этомъ отношеніи, осужденіемъ практическихъ послѣдствій дробленія власти, слѣдуя и тутъ, какъ указано П. Н. Милюковымъ, разсужденіямъ грамотъ Ивана III о вредѣ многовластія.

Первая наукообразная гипотеза, которая пыталась выяснить органическую связь сѣверно-русской исторіи съ киевскимъ прошлымъ—предложена М. П. Погодинымъ. Эта гипотеза отличалась большимъ формальнымъ достоинствомъ: она строила свое объясненіе соотношенія двухъ историческихъ моментовъ на глубокой основѣ этнографическаго единства переживавшей эти моменты среды—народной массы. Эта знаменитая «погодинская гипотеза» родилась подъ потрясающимъ впечатлѣніемъ отъ наблюденія лингвистовъ, что въ языкѣ письменныхъ памятниковъ Киевской Руси «не было ничего малороссійскаго нынѣшняго». Присоединивъ къ этому наблюденію соображенія о томъ, что былины киевскаго цикла «поются у насъ вездѣ—въ Архангельскѣ и Владимірѣ, Костромѣ и Сибири», но не въ Малороссіи, Погодинъ пришелъ къ выводу, что въ Киевѣ издревле жило «великороссійское племя», по крайней мѣрѣ, что «великороссіянами» были Поляне—населеніе «Кіева съ окрестностями», а затѣмъ эти «великороссіяне»—съ Юрьемъ Долгорукимъ, Андреемъ Боголюбскимъ, переселились на сѣверъ, въ землю Суздальскую: сюда «ушло» и здѣсь «размножилось собственно великороссійское племя» ¹⁾.

¹⁾ Погодинъ набросалъ свои мысли и впечатлѣнія въ формѣ письма къ П. И. Срезневскому, которое появилось въ V т. «Извѣстій» Академіи Наукъ (1856 г.) и въ VII т. «Изслѣдованій, замѣчаній и лекцій о русской исторіи» (стр. 410—442). Дальнѣйшая разработка исторіи русскаго языка и народной поэзіи выяснила пещужность гипотезы о массовомъ переселеніи «киевскихъ великороссовъ» для объясненія тѣхъ явленій, которыя натолкнули на нее Погодина. Но гипотеза направлена на установленіе крупнѣйшаго историческаго факта, которое, однако, не опиралось ни на какія собственно историческія данныя. Погодинъ оперировалъ канвою филологіей отождествляя церковно-славянскій языкъ съ древне-русскимъ, и настаивалъ на запустѣніи киевскаго юга. Вокругъ послѣдняго вопроса и завязалась продолжительная полемика. Библиографію всего вопроса см. у М. С. Грушевскаго въ I т. «Исторіи України-Руси», примѣтка 6, п у А. Н. Пыпина въ «Исторіи Русской Этнографіи» т. III. А. А. Слицынъ посвятилъ «теоріи массоваго переселенія приднѣпровской Руси на сѣверъ» часть своихъ «Историко-филологическихъ разысканій» («Журналъ М-ства Народнаго Просвѣщенія», 1909 г., кн. I), гдѣ выясняетъ рядомъ краткихъ и мѣткихъ замѣчаній поразительную слабость обоснованія этой теоріи, которая продолжаетъ сильно вліять на ходячія представленія нашей исторической литературы. А. А. Слицынъ отвергаетъ всѣ основныя предпосылки этой теоріи: мнѣніе о томъ, что «въ X—XI столѣтіяхъ русское населеніе приднѣпровья было значительнымъ», что «къ половинѣ XII вѣка приднѣпровье сильно запустѣло», «что переселеніе изъ киевской области направилось, главнымъ образомъ, на сѣверъ и лишь отчасти на западъ», замѣчая,

Погодинская гипотеза, разъ принятая, была чревата глубокими послѣдствіями для всего хода историческихъ изученій. Она давала возможность широко пользоваться данными, которыя извлечены изъ наблюденій надъ исторической жизнью русскаго сѣверо-востока въ позднѣйшіи времена, въ XV и XVI вв., для объясненія явленій древне-русской, кievской жизни. Такова, напримѣръ, «попытка Погодина уяснить родовые княжескіе счеты счетами мѣстническими» ¹⁾, которая получила столь крупное значеніе въ построеніяхъ С. М. Соловьева, И. Е. Забѣлина, В. О. Ключевского.

Погодинскому домыслу о массовомъ переселенческомъ движеніи населенія съ кievскаго юга на сѣверо-востокъ, какъ основной причинѣ усиленія Ростовско-Суздальской земли при Юріи Долгорукомъ и Андрѣе Боголюбскомъ, чрезвычайно посчастливилось въ нашей историографіи. Домыселъ этотъ остался въ ней прочной предпосылкой въ изложенія сѣверно-русской исторіи, давая внѣшне-удобный переходъ отъ «кievскаго» періода къ «владимірскому».

Однако, дальнѣйшая разработка исторіи сѣверо-восточной Руси направилась на выясненіе не связи ея съ прежней, кievской, а противоположности между ними. Съ «переходомъ» на новую территорію, въ новыхъ географическихъ и этнографическихъ условіяхъ русская исторія начинается какъ бы сызнова. Такая особенность нашихъ историческихъ представленій объясняется общепринятымъ сужденіемъ о сѣверо-восточной Руси XII в., какъ о странѣ «суровой и почти дикой», ²⁾ гдѣ на «почвѣ новой, дѣвственной» возникъ новый строй отношеній съ тѣхъ поръ, какъ Андрей Боголюбскій оборвалъ традицію связи старѣйшинства въ землѣ русской («великаго княженія») съ золотымъ столбомъ кievскимъ; «сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей» ³⁾. Соловьевъ представлялъ себѣ сѣверо-восточную Русь обширной областью, гдѣ «возвышался

по поводу послѣдняго мнѣнія, что „возможность передвиженія придиѣпровскаго населенія на далекой сѣверъ совершенно недопустима“. А. А. Спицынъ указываетъ противъ ссылки на „южнорусскія“ названія населенныхъ мѣстъ, какъ на слѣдъ южнорусской колонизаціи сѣвера, что „это названія правительственныя, княжескія, а не народныя“, а противъ „весьма пзачно построеннаго“ В. О. Ключевскимъ представленія о томъ, какъ прокладывался „прямоѣзжіе“ путь съ юго-запада на сѣверо-востокъ, что „хронологія и исторія прямого пути изъ Чернигова на сѣверъ крайне не ясны и опираться на нихъ, какъ на доказательство чего бы то ни было, совершенно невозможно“. Вся эта теорія переселенія съ юга на сѣверо-востокъ, дѣйствительно, никѣмъ не обосновывалась исторически, конечно, потому, что наши источники не даютъ никакихъ данныхъ для ея обоснованія. А ея исходныя положенія, взятые изъ исторіи русскаго языка и былинной поэзіи, должны считаться упрздненными послѣ трудовъ А. А. Шахматова и В. О. Миллера.

¹⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома, М. 1847, стр. 26.

²⁾ С. М. Соловьевъ, Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ М. 1846, стр. 17.

³⁾ С. М. Соловьевъ, Исторія Россіи, кн. I, столб. 494 (изд. „Общ. Пользы“).

только одинъ городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ», — Ростовъ Великій, по которому и вся область получила названіе земли Ростовской. При Ярославѣ Владиміровичѣ Ростовъ причисленъ къ области княжнаго Переяслава, какъ владѣніе Всеволода Ярославича. А далѣе: «скоро начали возникать около него города новые: сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя, какъ строитель неумолимый; такимъ образомъ Ростовская область наполнилась городами младшими, среди которыхъ возвышался одинскій Ростовъ». «Младшіе» города — «построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью ¹⁾». Въ этомъ характерѣ сѣвернорусскихъ «младшихъ» городовъ Соловьевъ видѣлъ основное условіе развитія «новаго порядка», который онъ не считалъ возможнымъ называть «удѣльнымъ», по той причинѣ, что видѣлъ Русь, раздѣленную не на «удѣлы», а на нѣсколько независимыхъ княжествъ, изъ которыхъ каждое имѣло своего великаго князя и своихъ удѣльныхъ князей ²⁾; онъ и считалъ нужнымъ «исключить названія: удѣльный періодъ, удѣльная система изъ исторіи княжескихъ отношеній». Замѣчанія эти не получили, однако, признанія, такъ какъ и самъ Соловьевъ существенной чертой «новаго порядка», возникшаго на сѣверѣ, считалъ именно развитіе той формы княжескаго владѣнія, которое называлъ «удѣльнымъ». «Новые» города «по своему происхожденію, смотрѣли на князя, какъ на господина полновластнаго, и князь смотрѣлъ на нихъ, какъ на собственность неотъемлемую»; здѣсь утвердилось понятіе собственности, неотъемлемости, отдѣльности владѣнія, переходящаго изъ рода въ родъ по волѣ князя-владѣльца; здѣсь «собственность господствуетъ надъ родовыми отношеніями, каждый князь смотритъ на себя какъ на отдѣльнаго владѣльца известной области, а не какъ уже на члена известнаго рода, известной линіи» ³⁾. Это владѣніе, уже не стѣсненное ограниченіями родового или семейнаго права, развѣвившееся «когда понятія собственности, наследственности владѣнія начали господствовать надъ понятіями семейными» ⁴⁾, Соловьевъ называетъ удѣльнымъ, отождествляя удѣлъ съ «опричиной»: «опричина употребляется иногда въ смыслѣ удѣла, который принадлежитъ князю въ полную отдѣльную собственность» ⁵⁾. Удѣлъ — собственность князя.

¹⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 17.

²⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. VI: «Отношенія между великими князьями играютъ столь же важную роль, какъ и отношенія великихъ князей къ ихъ удѣльнымъ; стѣд. названіе удѣльнаго періода и удѣльной системы и здѣсь также [какъ и по отношенію къ Кіевской Руси] вѣрно, потому что не объмаетъ всѣхъ сторонъ княжескихъ отношеній».

³⁾ «Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ», стр. 19—20.

⁴⁾ Тамъ же, стр. 21.

⁵⁾ «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 331, пр. 3. Говорю «отождествляетъ», такъ какъ, по Соловьеву, всякій удѣлъ есть полная, отдѣльная собственность.

которую онъ можетъ «располагать произвольно», въ частности—по завѣщанію. Несмотря на такой «удѣльный» характеръ княжого владѣнія, Соловьевъ не признаетъ особаго «удѣльнаго періода», такъ какъ видитъ въ паденіи родовыхъ отношеній процессъ постепеннаго торжества «отношеній государственныхъ». Какъ «отдѣльный владѣлецъ пзвѣстной области», князь стоитъ во главѣ своего особаго государства. Такъ по поводу съѣзда князей во Владиміръ въ 1296 году Соловьевъ замѣчаетъ: «этихъ съѣздовъ княжескихъ нельзя смѣшивать съ прежними съѣздами родственниковъ: теперь князья являлись не какъ братья, но какъ отдѣльные независимые владѣльцы»¹⁾. Когда Русь распалась на двѣ части—юго-западную и сѣверо-восточную, а затѣмъ, въ сѣверной Руси, «Тверь и Москва стали великими княженіями, Рязань и Нижній-Новгородъ послѣдовали ихъ примѣру; явилось нѣсколько особыхъ родовъ княжескихъ, особыхъ государствъ, независимыхъ и враждебныхъ другъ другу»; при этомъ «родовыя отношенія князей между собою замѣнились отношеніями ихъ, какъ правителей къ своимъ подданнымъ, когда земля, область, городъ, правязали къ себѣ князя тѣсными узамъ собственности, сдѣлали его осѣдлымъ»²⁾. Идетъ упорная борьба между этими независимыми владѣльцами: «каждое движеніе князя было опасно для всѣхъ, ибо каждое движеніе было посягательствомъ на чужую собственность». Но теперь на великорусскомъ сѣверѣ, эта борьба болѣе содержательна исторически, чѣмъ прежнія усобицы: «дѣло идетъ о томъ—быть государемъ всей Русской земли или слугою этого государя»³⁾.

Соловьевская схема русской исторіи, съ одной стороны, узаконяла, по своему, представленіе о традиціонной магистраліи русской исторіи, идущей изъ Кіева черезъ Владиміръ въ Москву. «Первоначальная сцеза русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варяговъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Изначенныя силы, слѣдуя пзначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи—и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія». Конечно, отъ Соловьева не скрылось, что «исторія» не просто ушла съ юга, а п тамъ, по своему, продолжалась: «несправедливо, говорилъ онъ, въ научномъ отношеніи неврѣно и односторонне, упускать изъ виду юго-западную Русь послѣ отдѣленія ея отъ сѣверо-восточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта», но полагалъ, что «также несправедливо, также неврѣно исторію юго-западной Руси ставить на ряду съ исторіею сѣверо-

¹⁾ „Исторія отношеній между русскими князьями“, стр. 286. В. П. Сергѣевичъ перенесъ именно это представленіе на сѣзды Кіевской Руси. „Древности Русскаго Права“, т. II, стр. 242.

²⁾ „Объ отношеніяхъ Новгорода къ вел. князьямъ“, стр. 21.

³⁾ „Исторія отношеній“, стр. 287 и 281.

восточной»¹⁾. Однако, благодаря именно Соловьеву, в нашей историографии укоренилось представление, что тотъ процессъ, который имъ осмыслился какъ переходъ родовыхъ отношеній въ отношенія владѣльческія и государственныя, начавшись на кievскомъ югѣ, разыгрался собственно въ Руси сѣверо-восточной. Выясненіе этого процесса получило одностороннее направленіе, такъ какъ онъ оказался въ зависимости отъ мѣстныхъ сѣвернорусскихъ условій—по существу, какъ особенность сѣвернорусской исторіи. Соловьевъ видѣлъ, что «тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія» развились и въ южной Руси въ эпоху разложенія стараго кievскаго государства, но не использовалъ этихъ наблюденій для своихъ историко-соціологическихъ обобщеній, потому что призналъ эти явленія южно-русской исторіи какимъ-то налетомъ иноземнаго вліянія, хотя и сознавалъ значеніе «обстоятельствъ историческихъ» для ихъ «необходимаго утвержденія»²⁾.

Такъ, съ другой стороны, Соловьевская схема скорѣе разрушала, чѣмъ углубляла представленіе объ органической исторической связи сѣвернорусской исторіи съ южно-кievской. Южно-русскія «родовыя» начала, перенесенныя на сѣверъ, попали въ условія, гдѣ имъ оставалось только болѣе или менѣе быстро погибать и разлагаться, по полному ихъ несоотвѣтствію отношеніямъ жизни на новинѣ заново колонизируемаго полудикаго края.

Схема эта обусловила особую постановку вопроса объ «образованіи Московскаго государства». Мысль историка, выясняющаго, какъ родовыя отношенія смѣнились государственными, спѣшить отъ Кіева къ Москвѣ. Для «исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ» важно одно: смѣна принциповъ, на которыхъ строилось ея единство. Тамъ, въ кievскую эпоху—«связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ». Тутъ, на сѣверѣ, образуется Московское государство на развалинахъ стараго «родового» строя³⁾. Весь смыслъ періода, промежуточнаго между исторіей Кievской державы и государства Ивана III, въ разложеніи родовыхъ связей и усиленіи Москвы.

Моментъ перелома—въ дѣятели Андрея Боголюбскаго, который «пренебрегъ югомъ» и «началъ новый порядокъ вещей». Младшіе князья «ясно понимаютъ, что онъ хочетъ пережѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равно-

¹⁾ „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1343, 1116.

²⁾ „Тѣ же самыя понятія о собственности, о преемствѣ отъ отца къ сыну, о правѣ завѣщанія, которыя явились къ сѣверо-восточной Руси изнутри, развились изъ ея собственнаго организма, въ Галичѣ были занесены извнѣ, но привились и утвердились необходимо, въ слѣдствіе обстоятельствъ историческихъ“ („Исторія отъ. между русскими князьями“, стр. 369).

³⁾ „Исторія Россіи“, кн. I, столб. 1341—1346.